

Дмитрий Кириллович Поляков

кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов, Институт славяноведения РАН (119334, Москва, Ленинский пр., 32а)
E-mail: vbz2005@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5220-2841>

ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК МАРКЕР НОВОЙ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ: МЕЖСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ (от национального возрождения XIX в. до современного неоязычества)

Аннотация

В статье рассматриваются независимые друг от друга внутриславянские практики имянаречения в трех различных ситуациях: во времена чешского и словацкого национального возрождения первой половины XIX в., в России и СССР в 1920-е гг. и в современных неоязыческих сообществах разных славянских стран. Несмотря на различия в историческом и культурном контексте, эти ситуации являются типологически вполне сопоставимыми. В каждой из них речь идет о конструировании новой знаковой системы, и новые антропонимы играют в этом конструировании ключевую роль наряду с другими языковыми и внеязыковыми явлениями. Построение новой знаковой системы во всех случаях сопрягалось и с конструированием ее субъекта, носителя соответствующего кода. Во всех трех ситуациях имел место антропонимический бум, массовое создание новых личных имен (неоантропонимов), которые мог бы использовать носитель нового кода. Источником мотивации при имятворчестве в национальном возрождении и в неоязычестве служат традиционные, уже ставшие архаическими славянские модели: славянство рассматривается как высшая ценность, ср. чешские «патриотические имена» 1830-х гг. *Pravoslav*, *Rodomil*, *Dobromila* и др.; имена неоязычников *Правдомир*, *Будислав*, *Витослав* и др. Антропонимические практики раннего Советского Союза, наоборот, ориентированы прежде всего на нетрадиционные модели (например, аббревиацию: *Ким*, *Марклен*, *Вилена* и др.), однако были зафиксированы и новые имена, созданные по славянской модели (*Краснослав*, *Новомир*). Таким образом, конструируемые новые антропонимы при всей разности причин обращения к ним основаны на общеславянских, прежде всего двухосновных, моделях, хранимых языковым и культурным сознанием. Использование такой словообразовательной модели в разных номинативных ситуациях говорит о ее континуальности и большом прагматическом потенциале.

Ключевые слова: антропонимия; имянаречение; смена имени; славянские имена; патриотические имена; революционные имена; имена неоязычников; национальное возрождение; романтический национализм

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00365 «Семiotические модели в кросскультурном пространстве: Balcano-Balto-Slavica», <https://rscf.ru/project/22-18-00365/>

Для цитирования

Поляков Д. К. Личное имя как маркер новой знаковой системы: межславянские параллели (от национального возрождения XIX в. до современного неоязычества) // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 3. С. 139–155. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.035

Рукопись поступила в редакцию 06.07.2024

Рукопись принята к печати 10.09.2024

Dmitry Kirillovich POLYAKOV

PhD, Research Fellow, Department of the Cultural History of Slavic Peoples, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia)

E-mail: vbz2005@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5220-2841>

**PERSONAL NAME AS A MARKER
OF A NEW SEMIOTIC SYSTEM:
INTER-SLAVIC PARALLELS
(from the National Revival of the 19th c.
to Modern Neo-Paganism)****Abstract**

This article examines naming practices in three different types of situations: during the Czech and Slovak National Revival of the first half of the 19th century, in Russia and the USSR in the 1920s, and in contemporary neo-pagan communities of various Slavic countries. Despite the differences in historical and cultural context, these situations are typologically comparable. Each of them involves the construction of a new sign system, in which new anthroponyms play a key role, along with other linguistic and extra-linguistic phenomena. In all three situations there was an anthroponymic boom, a mass creation of new personal names (neo-anthroponyms) that would be used by the bearer of the new code. The source of motivation for name-making in the National Revival and neo-paganism is the traditional, even archaic set of Slavic patterns, since “Slavicness” is seen as the highest value (cf. the Czech 1830s “patriotic names” *Pravoslav*, *Rodomil*, *Dobromila*, etc., or the neo-pagan names *Pravdomir*, *Budislav*, *Vitoslav*, etc.). Anthroponymic practices of the early Soviet Union, on the contrary, focused primarily on other patterns, such as abbreviation (*Kim*, *Marklen*, *Vilena*, etc.), while some new personal names were also created following the traditional “Slavic” patterns (*Krasnoslav*, *Novomir*). The use of this word-formational pattern in different cultural situations indicates its continuity and great pragmatic potential.

Keywords: anthroponymy; naming; name change; Slavic names; patriotic names; revolutionary names; neo-pagan names; national revival; romantic nationalism

Acknowledgements

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00365 *Semiotic Models in the Cross-Cultural Space: Balcano-Balto-Slavica*, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00365/>

For citation

Polyakov, D. K. (2024). Personal Name as a Marker of a New Semiotic System: Inter-Slavic Parallels (from the National Revival of the 19th c. to Modern Neo-Paganism). *Voprosy onomastiki*, 21(3), 139–155. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.3.035

Received on 6 July 2024

Accepted on 10 September 2024

Личное имя в любом национальном и социальном коллективе есть феномен не только лингвистический, но и символический, отражающий особенности исторической ситуации, культурные константы и переменные. Семиотическая нагруженность имен может особенно возрастать в революционные, «взрывные» периоды развития культуры, в моменты смены культурных парадигм, нередко характеризующиеся активным имятворчеством. При этом сам «список новых имен может быть рассмотрен как своеобразная “антропонимическая модель”» [Душечкина 2005] той или иной идеологии. Остановимся на трех на первый взгляд не соотносимых друг с другом внутриславянских культурных явлениях и соответствующих практиках имянаращения. Это: 1) чешское и словацкое национальное возрождение (1820–1840-е гг.); 2) послереволюционный период в России и СССР (1920-е гг.); 3) современные неоязыческие сообщества (с 1990-х гг.). Несмотря на все исторические, культурные, аксиологические различия этих периодов и коллективов, которые нет нужды комментировать, практики имянаращения в их рамках обнаруживают любопытные сходения. Их можно назвать типологическими, точнее микротипологическими, так как во всех трех случаях речь идет о внутриславянских процессах и значимую роль в них сыграли собственно славянские языковые модели.

1. «Патриотические имена» эпохи чешского и словацкого национального возрождения

Один из важных элементов культуры чешского национального возрождения начала XIX в. — так называемые патриотические имена (чеш. *vlastenecká jména*). Это взятые из древнечешского языка или специально сконструированные по славянским моделям имена, внутренняя форма которых демонстрировала национальную принадлежность их носителей — в соответствии с разделявшейся ими идеологией романтического национализма. Патриотическое имя избиралось его носителем и обычно функционировало наряду с именем, данным при рождении, что приводило к появлению двойных

наименований, ср. *František Ladislav Čelakovský, Jan Milostín Vidimský, Václav Rodomil Kramerius, Františka Božislava Pichlová* и др., где *Ladislav, Milostín, Rodomil, Božislava* — патриотические имена, принятые самими их носителями.

Наличие такого имени было одним из знаков самоидентификации членов патриотического общества, на базе идеологии которого сложилась собственно чешская национальная идентичность. Именно в эпоху национального возрождения в Чехии и Словакии складывается новая культурная модель, опиравшаяся на «национальную идею, патриотичность, служение народу <...> преклонение перед народом и его культурой (фольклором), наследием Средневековья, историзм и героизацию прошлого, оценку культурных феноменов, прежде всего с национально-патриотических позиций» [Мельников 2005: 423]. Время национального возрождения на самом деле было периодом национального конструирования, основанного на просветительских идеалах. Принятие патриотического имени — как и создание текстов на вновь кодифицированном литературном языке, участие в национально ориентированных повседневных практиках, деятельности соответствующих культурных институций и пр. — было демонстративным актом, который мог сопровождаться определенными ритуалами (торжественные клятвы в патриотической среде¹ и др.).

Именно личное имя было главным антропонимическим знаком принадлежности его носителя к чешскому патриотическому обществу. Использование в этом качестве фамилий «вовсе не было настолько распространено. Лишь немногие полностью меняли свои фамилии, а славянизированный вариант чаще выступал в роли второй фамилии — вроде псевдонима. Особенно часто возникали <...> очень популярные фамилии-прилагательные на *-ský* (*-cký*), образованные от топонимов» [Macura 2015: 137], ср. *Arnošt Förchtgott-Tovačovský, Adolf Pinkas-Podmostský*.

С точки зрения употребления патриотические имена демонстрируют отчетливую специфику: в первый период национального возрождения, только входя в обиход, они использовались прежде всего в функции второго имени, следующего за первым (так называемого *křestní jméno*), хотя эта закономерность знает исключения. Патриотическое имя иногда употреблялось параллельно первому, иногда заменяло его. Развиваясь в период культурного взрыва, система патриотических имен не получила кодификации и потому как выбор, так и дальнейшее употребление имени зависели от самого носителя. Ср. замечание современного исследователя об одной из деятельниц национального

¹ См. описание наделения патриотическим именем, например, в романе А. Ирасека «Ф. Л. Век»: молодому герою дается имя *Ладислав*, новой этимологизацией актуализирующее его связь с музыкой (< *lad*) [Macura 2015: 137]; о ритуале *proslavení*, во время которого принимались патриотические имена, см. также [Sršeň 2004: 18; Cooper 2012: 14].

возрождения Антонии Богуславе Райской: «Антония известна под несколькими именами. Родившись 11 июля 1817 г. в Рожмитале, она получила при крещении имя *Antonia Anna Maria Karolina Reis*. Еще не выйдя замуж, примерно в 1840 г., она избрала чешское патриотическое имя *Antonie Bohuslava Rajská* (иногда *Rájská*) и в письмах друзьям подписывалась как *Antonie, Bohuslava* или *Antonie Bohuslava*. После свадьбы с овдовевшим Франтишеком Ладиславом Челаковским в 1845 г. ее стали называть *Antonie* или *Bohuslava Čelakovská*. В литературе она чаще всего фигурирует под именем *Bohuslava Rajská*» [Sršeň 2004: 8].

Другими — помимо добавления нового имени к первому — антропонимическими стратегиями были: замена имени на патриотическое (*Branimír Tyl, Svatopluk Tyl, Božena Němcová*) и создание патриотического псевдонима — с заменой не только имени, но и фамилии (*Josef Němec > Bořivoj N. Bydžovský, Anna Srbová, урожденная Kubatová > Věnceslava Lužická*). Как показывает приведенная выше цитата, даже один носитель в зависимости от разных факторов мог менять эти стратегии. То же касается и фамилий: новые фамилии возникали как производные от наименований мест (*Němec > Bydžovský*), по созвучию (*Reiss [rajs] > Rájská*, с новой семантизацией от *ráj* ‘рай’), а также путем перевода (*Fejérpataky > Bělopotocký, Fingergut > Náprstek*) или графической богемизации (*Schneider > Šnajdr, Till > Týl*) иноязычных оригиналов.

Добавим, что употребление патриотических имен не стало кодифицированным и в дальнейшем. Зародившись в 1820-е гг., в 1830–1840-е гг. они стали «распространяться практически массово» [Sršeň 2004: 18]. В следующие же десятилетия самые частые из патриотических имен закрепились в чешском антропонимиконе и начали функционировать в качестве личных [Кнарповá 1984: 20; Šmilauer 1991: 22], а наиболее маркированные исчезли. Это стало одним из признаков успеха чешского патриотического общества: необходимость в специальных знаках «чешскости» отпала, и сами эти знаки формально стали «пустыми» [Масура 2015: 133], поскольку новая — национальная — культурная модель уже была сконструирована.

Наиболее частым типом в патриотическом антропонимиконе были двухкомпонентные наименования, самые распространенные из которых — на *-slav(a), -mír(a), -mil(a)*. При этом избираемые имена могли уже существовать и актуализироваться (*Ladislav, Bohumil, Jaroslav, Božena*), но чаще они создавались заново (*Krasoslav, Květoslav, Lékoslav, Miromil, Pravoslav, Vítězslav, Vlastimil* и др.). В их создании проявлялись креативность и ценностные установки: имя становилось кодом, в котором были зашифрованы важные для его носителя смыслы.

Владимир Мацура, исследовавший патриотические имена в широком контексте культуры национального возрождения, отметил зависимость выбора имен от ряда факторов. Это были, например, область деятельности носителя имени, этимология уже имеющегося личного имени неславянского происхождения, особая значимость определенных фигур славянской истории (*František Cyril Kampelík* — в честь св. Кирилла, одного из отцов славянской письменности) или каких-либо ценностей. Приведем классификацию основных мужских и женских патриотических имен, предложенную В. Мацурой [Macura 1980: 216; 2015: 137–138].

Мужские имена отражали:

- патриотические ценности: *Josef Vlastimil Kamarýt* (< *vlast* ‘родина’), *Jan Domoslav Paďour*, *Václav Rodomil Kramerius*, *František Budislav Veverka* (ср. *probouzej slávu, bud' slavný* ‘пробуждай славу, будь славен’ [Knappová 1984: 81]);
- общеэтические ценности: *František Dobromysl Trnka*, *František Lidurád Vambra* (< *lid* ‘народ’), *Josef Myslimír Ludvík*;
- религиозные ценности: *Jan Bohumír Dlačač*;
- область чувств: *Jan Milostín Vidimský*;
- отношение носителя к красоте и искусству: *Josef Liboslav Ziegler* (*lib-* < *lub*, ср. *libost* ‘удовольствие’, *líbit se* ‘нравиться’), *Josef Krasoslav Chmelenský*, *Matěj Pěvoslav Havelka* (книжн. поэт. *pěti* ‘петь, воспевать’);
- область профессиональной деятельности носителя: юриспруденция (*Jan Alois Sudiprav Rettig*, *Jan Pravoslav Koubek*, *Karel Sudimír Šnajdr*), медицина (*František Lékoslav Koráb* < *lék* ‘лекарство’), физика (*Michal Silorad Patrčka* < устар. *silozpyt* ‘физика’);
- мотивы войны и мира: *Jan Branimír Tyl*, *Josef Bojislav Pichl*, *Karel Bořivoj Presl* (ср. *bojující vojin* ‘сражающийся воин’ [Knappová 1984: 79]), *Josef Libomír Kerner*.

Репертуар возможных мотиваций женских имен был более ограничен, что объясняется меньшей включенностью женщин в социальные отношения. В него входили прежде всего:

- религиозные ценности: *Božena Němcová*, (*Antonie*) *Bohuslava Rajská*, *Marie Bohdana Vidimská*, *Kateřina Bohumila Tluchořová*, *Františka Božislava Pichlová*, *Františka Svatava Michalovicová* (< *svatý* ‘святой’);
- патриотические ценности: *Vlastimila Růžičková*;
- общеэтические ценности: *Magdalena Dobromila Rettigová*.

Как видно, выбор мужских и женских имен мотивировался неодинаково: для мужских имен релевантны тематические области войны и мира, профессиональной принадлежности. В то же время аксиологическая маркированность мужских и женских патриотических имен была одинаково высока.

Посредством имени его носитель, как указывал В. Мацура, приобщался к сфере идеального: становился носителем патриотического национального кода, где высшими ценностями являлись ценности нации и Славии. Имена иллюстрировали положительные качества идеального чеха и славянина: любовь к родине и народу, к наукам и искусствам, отвагу и миролюбие, доброту, набожность, чувство прекрасного, храбрость.

Чешские практики национального конструирования распространялись и на Словакию. Выбор и принятие патриотических имен также сопровождалось ритуалами и сами были частью более широких ритуальных действий. К важнейшим из таковых относится поход патриотов к замку Девин под Братиславой 24 апреля 1836 г., ставший прецедентным событием национальной истории. Поход к Девину словацкие патриоты во главе с Людовитом Штуром, основоположником словацкого литературного языка, сопровождали пением песен и чтением стихов на словацком, а кульминацией похода стало принятие новых имен. Ритуал подробно охарактеризовал один из его участников — писатель и журналист Йозеф Милослав Гурбан: «Людовит первым заявил, что вместе с родным именем он хочет носить и национальное — Велислав. Червенак к своему имени Беньямин добавил Православ, Тимотеус Кохиус перевел свое имя — Цтибог Зох, Заборский добавил к своему имени Бойислав, Гроссман — Доброслав, Шкультети — Горислав, Майер — Яромир, а я <...> принял имя Милослав². Другие <...> добавляли славянские девизы и имена или переводили иностранные. Молодые подхватили идею старших, и так возникали славянские имена: Желислав, Славимир, Славомил, Любослав, Люмир, Забой, Звестонь, Славолуб, Горимир, Горислав, Милош, Красислав, Врагобор, Драготин, Мыслимир, Желимир, Цирил, Метод, Милидух, Домолюб, Мечислав³ и т. д. и т. п.» [Hurban 1959: 96–97].

Как видно, словацкие патриотические имена и композиционно, и мотивационно напоминают чешские, отражают опору их носителей на те же ценности, взгляд на славянское как на высокое, идеальное. Словацкие патриоты также заново описывали себя в рамках новой семиотической системы. Здесь было бы интересно задуматься, с какими еще явлениями культуры можно

²Словац. *Ludovít Velislav Štúr, Benjamín Pravoslav Červenák, Ctiboh Zoch, Jonáš Bojislav Záborský, Gustáv Dobroslav Grossmann, August Horislav Škultéty, Ján Jaromír Majer, Jozef Ludovít Miloslav Hurban*. Добавим, что многие литераторы из указанных выше порой выступали и под «славянскими» псевдонимами: например, Л. Штур — *Boleslav Záhorský* и *B. Dunajský*, Й. Заборский — *Rečislav Záborský*, Й. М. Гурбан — *Slavomil F. Kořenatý* [подробнее см.: Palkovič 1970: 138].

³Словац. *Želislav, Slavimír, Slavomil, Luboslav, Lumír, Záboj, Zvestoň, Slavolub, Horimír, Horislav, Miloš, Krasislav, Vrahobor, Drahotín, Myslimír, Želimír, Cyril, Metod, Miliduch, Domolub, Mečislav*.

сравнить антропонимическую деятельность чешских и словацких патриотов во внутриславянской перспективе.

Самым очевидным подобием кажутся близкие практики романтического национализма в других славянских землях, связанные со сменой имен с неславянских на славянские. Такую смену осуществляли и чехи, и словаки — путем перевода или «переложения» изначально иноязычного имени (ср. хотя бы упоминавшийся выше случай *Цмибога Зоха*), то же самое встречалось и у других славян: хорв. *Ignatius Fuchs* > *Vatroslav Lisinski* (< *vatra* ‘огонь’); *Beata* > *Blaženka*, *Karl* > *Dragutin*, *Aloisius* > *Vjekoslav*, *Deodatus* > *Bogdan*, *Gottlieb* > *Bogoljub* [Čilaš Šimpraga, Brgles 2017: 133]⁴. Однако при всей формальной схожести типологически это явление несколько иного характера. Другие славянские народы не столкнулись с антропонимическим бумом, а усиление позиций славянских имен не сопровождалось их массовым конструированием, отражающим взрывной характер происходящих процессов. И массовое создание новых имен, и массовое их ритуальное принятие стали составляющими разнообразных патриотических практик, осуществляемых поначалу довольно узкой группой национально ориентированных чехов.

2. Антропонимический бум 1920-х гг. в СССР

Любопытной славянской параллелью временам чешского и словацкого национального возрождения, как нам кажется, является послереволюционная ситуация в Советской России, где также активно создавался новый семиотический код. Он претендовал на статус универсальной знаковой системы, вытеснявшей прежнюю во всех областях: языке, художественном творчестве, повседневных практиках (ср. *октябрины*, *красные святцы* и пр.). Конструировался и новый, идеологически маркированный именовослов. «Антропонимическое половодье» [Бондалетов 1983: 143] 1920-х гг. было составной частью таких же взрывных процессов в языке вообще [Поляков 2016], направленных на «дискредитацию старого символического капитала и создание нового революционного символического капитала, обеспечивающего социальное продвижение в условиях нового советского общества» [Живов 2005]⁵.

⁴Такие процессы не ограничиваются периодами национального возрождения. Обычно они вызваны влиянием (славянского) большинства на (неславянское) меньшинство, ср. хотя бы русификацию немецких, еврейских и татарских имен в СССР, болгаризацию мусульманских — в Болгарии и мн. др.

⁵Не следует забывать и о послереволюционных переменах в области регистрации актов гражданского состояния. Ее выход из-под контроля церкви и переход в гражданские институции, как и разрыв с практиками церковного крещения, также отделили имянаречение от дореволюционной нормы.

Симметрия инноваций в именослове и в языке проявлялась как на структурно-словообразовательном, так и на прагматическом уровнях. К ведущим номинативным приемам того времени можно отнести прежде всего аббревиацию: она распространилась как в апеллятивной, так и в проприальной сферах (среди личных имен ср. *Вилен, Владлен, Ким* и мн. др., см. исчерпывающий список в [Stępień 2022: 189–195]). Частотны были также заимствования, в сфере имен отсылающие к временам народных восстаний и революционным деятелям (*Спартак, Марат, Робеспьер* [Душечкина 2005]) или воспринятые из художественной литературы (*Альберт, Ричард, Теодор* [Бондалетов 1983: 145]). Прагматически новые номинации-заимствования иллюстрировали «стремление интернационализировать как весь мир, так и самих себя» [Душечкина 2005], претензию новой знаковой системы на всеохватность и ее соотнесение с идеей мировой революции. Отталкиваясь от прежнего культурного и языкового кода, новая система «символически осуществляет отказ от национальной традиции, разрыв с национальным прошлым, которое рассматривается при этом как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка» [Живов 2005].

Советский режим 1920-х гг. с его интернационалистской идеологией воспринимал сами понятия «русское» и «славянское» как враждебные и видел в них следы панславистской, т. е. реакционной, идеологии царизма. Тем удивительнее, что данные именослова 1920-х гг. не во всем отвечают этому отталкиванию от старых «национальных» ценностей. С одной стороны, подавляющее большинство новых имен действительно было построено по новым моделям или заимствовано. Однако славянские и славянизирующие модели в то время также актуализировались и, более того, получили неожиданное развитие. В 1920-е гг. появляются как неканонические славянские имена типа «воскрешенных» *Будимир, Мечислав, Радимир, Болеслав* [Бондалетов 1983: 144], так и абсолютно новые антропонимы типа *Краснослав, Новомир, Славомир* [Там же]. Типологически это развитие во многом соотносимо с чешскими и словацкими процессами, описанными выше. Новые славянские антропонимы невозможно сравнить по популярности с «революционными» именами, и характерно, что они не рассматриваются во многих работах, посвященных советскому именнику, например, в [Душечкина 2005; Stępień 2022]. Однако «славянизация» оказывается неотъемлемой частью инноваций послереволюционного именослова, расширяющегося в разных направлениях.

О названном процессе пишет уже А. М. Селищев, обстоятельно исследовавший послереволюционные языковые изменения. Приводя многие примеры из области собственно «революционного» имянаречения (*Вилен, Владлен, Бухарина, Сталина, Декрета* и др.), он констатирует распространение имен

«от названия ярких явлений природы, по именам античных божеств» и далее указывает: «Рекомендуются и древнерусские имена или подражания им» (!) [Селищев 1928: 190]. В качестве подтверждения из номинативной практики тех лет приводятся, например, *Лада, Любомир, Любомила, Краснослав, Доброслава*.

Прагматические же различия между двумя описанными ситуациями заключаются в самом отношении к славянскому. Чешский и словацкий «патриотический» антропонимикон 1820–1840-х гг. складывался за счет притяжения к славянской традиции, означавшего конструирование национального и тем самым приближение к Идеальному. Первичной же интенцией после революционных изменений в русском именовании было отталкивание от старого — связанного с религией — стандарта имянаречения. Направления такого отталкивания при этом могли быть разными, от главного — собственно революционного — до сопутствующих: «классицизирующего» (*Аквилон, Гермес, Нептун, Наяда* [Там же]) или «славянизирующего».

Стоит упомянуть также повышенную осознаваемость процессов имянаречения в оба исторических периода. Важность нового имени как средства самоидентификации особенно велика в переломные эпохи. «Советские» имена в 1920-е гг. давались в основном новорожденным, однако есть многие свидетельства разрыва с прежними именами и принятия новых, что также сопровождалось соответствующими ритуалами — «красными крестинами», «звездинами», «октябринами», в которых могли участвовать и взрослые [Дианова 2021]. Имя могло быть изменено как официально (примеры см. [Там же: 94–97]), так и в рамках частных коммуникативных практик, ср. в описании дискурса школьников: «У нас такой уговор был, что она будет звать меня *Владленом*» (Н. Огнев, «Дневник Кости Рябцева» [цит. по: Селищев 1928: 190]). Пресса публиковала информацию о торжественных отказах от старых «святых» имен и о принятии новых, связанных с революцией. С. Степень приводит заметку из черниговской газеты «Красное знамя», сообщающую о собрании пионерской организации, на котором ее члены торжественно приняли новые имена и фамилии: *В. Буленок — Владлен Пионерский, И. Вайнштейн — Вилен Пролетарский, П. Симантов — Спартак Боевой, Х. Френкель — Лена Люксембург, В. Смайловский — Луч Красномиров* и др. (в газете были указаны только инициалы пионеров) [Stępień 2022: 185].

В дальнейшем — с наступлением другой эпохи, переставшей нуждаться в таких очевидно маркированных элементах, — судьба имен, рожденных во время «антропонимического половодья», складывается по-разному. Значительное их число выходит из употребления, оставаясь однозначными знаками времени, в которое они появились. Сильная маркированность части из них

приводит к тому, что их носители могут вовсе отказываться от них или заменять их фонетически / семантически близкими⁶. Наконец, ряд первоначально маркированных имен становятся нейтральными (*Владлен, Нинель*). Такое произошло с некоторыми «революционными» именами, а в Чехии и Словакии — с «патриотическими», ставшими нейтральной частью именослова и сохранившимися до наших дней.

3. Современный именослов славянских неоязыческих сообществ

Еще одной любопытной параллелью патриотическому именнику чешского и словацкого национального возрождения можно считать современный антропонимикон представителей так называемого неоязычества, или «родоверия», — группы религиозных (или парарелигиозных) течений, популярных в Восточной и Южной Славии и активно развивающихся с начала 1990-х гг. Имена неоязычников⁷ также часто строятся по «славянской» модели, их отличают как буквальные — пословные — совпадения с чешскими патриотическими именами начала XIX в., так и прагматические и символические свойства, которые начинает принимать имя.

Во-первых, имянаречение происходит в рамках небольшого, весьма закрытого коллектива, и антропоним является знаком принадлежности к нему. Во-вторых, имянаречение представляет собой осознанный выбор носителя имени, совершаемый со всей серьезностью и вызывающий авторефлексию. Неоязыческое имя противопоставляется уже имеющемуся и становится частью оппозиции сакрального, высокого (новое имя) и профанного, низкого. Как и у романтиков-националистов XIX в., имя принадлежит к «высокому» коду, его аксиологическая маркированность велика, ср. рус., болг. *Правдомир, Витослав*, рус. *Славомysl, Любосвет* и мн. др. Подход к выбору имени тоже совпадает: как и рассмотренные выше чешские и словацкие антропонимы, имена неоязычников являются своеобразными шифрами, за которыми скрываются ценностные установки носителя имени, его «идеологические и религиозные воззрения, практические интенции» [Седакова 2007: 167]. Наконец, неоязыческие имена — компоненты особой

⁶Ср., например, показательный пример с именем актрисы Н. Мордюковой, заменившей данное при рождении революционно окрашенное *Ноябрина* на более «привычное» *Нонна*.

⁷Именослов русского и болгарского неоязычества был подробно рассмотрен в работе [Седакова 2007], на которую мы опираемся. Также мы проанализировали антропонимикон чешских неоязычников, для чего использовали данные сайта [Rodnavira]. Эти три национальные разновидности неоязыческого именослова и находятся в центре нашего внимания.

знаковой системы наряду с рядом других лингвистических и экстралингвистических феноменов (архаизированный язык общения, обряды, коллективные действия и пр.).

Что касается состава антропонимикона, то для него характерно копирование и развитие устойчивых номинативных образцов. Отличительной чертой неоязыческих имен «(в их совокупности) является их “общеславянский” характер» [Седакова 2007: 174], они «копируют древние ономастические модели» [Там же: 175] и порой буквально, пословно повторяют изобретения чешских патриотов начала XIX в., а точнее совпадают с ними (чеш. *Budislav* — рус., болг. *Будислав*, чеш. *Věnceslav* — рус., болг. *Венцеслав*, чеш. *Vladivoj* — рус., болг. *Владивой* и др.). Интересно, что в рамках чешского неоязычества — достаточно маргинального течения в сравнении, например, с восточнославянскими и болгарским — также реанимируются общеславянские и чешские имена, не характерные для современного чешского узуса (*Svatobora, Vítoslav, Ctirad, Veleslava*), а иногда (правда, реже, чем в XIX в.) конструируются новые. Фонетически они, однако, не чешские (*Rostislav, Svjatoslav*) — возможно, это заимствования из других, более сильных неоязыческих традиций. Внимания заслуживает также то, что некоторые чешские неоязычники употребляют новое имя наряду с родным, тем самым копируя практики времен национального возрождения (*Jiří Svjatoslav Mačuda, Štefan Vítoslav Pilát*).

В то же время нельзя не отметить, что своим антихристианским посылом (именно христианство разрушило славянское языческое единство) неоязыческая номинация сближается с номинацией советской. Если чешские и словацкие патриотические имена чаще всего фигурируют наряду с личными и не противопоставляются церковным⁸, то и советские, и неоязыческие имена уместно рассматривать в контексте дехристианизации именослова. Пути ее при этом различны. Среди советских имен основными были наименования в честь революционеров, революции, важных календарных дат, у неоязычников же основу антропонимикона составляют «имена языческих богов (нередко фольклорных персонажей), имена княжеские и имена-клички, прозвища» [Там же: 174], среди которых есть и такие, которые отсылают к наименованиям животных и растений.

⁸Й. М. Гурбан в уже упомянутых мемуарах цитировал Л. Штура, не противопоставлявшего, но сопоставившего патриотическое и личное имена: «добровольно принятое во дни юношеского горения имя будет нам напоминать о девизе нашей жизни, как истинному христианину имя напоминает о договоре с Господом Богом, во время крещения заключенном» [Hurban 1959: 96]. Такое соположение отвечает антропонимическим практикам национального возрождения, не содержащим антихристианского посыла.

* * *

Ключевые сходства и различия трех рассмотренных ситуаций имянаречения мы обобщили в таблице. Знак (+) указывает на то, что соответствующий показатель представлен, но скорее на периферии системы (ср. наличие, но слабое распространение славянизирующих номинаций в советском антропонимиконе и их центральное место в именовании национального возрождения и у неоязычников). Знак X отмечает случаи невозможности проверить данные и относится к динамике функционирования неоязыческих имен. Сложности здесь связаны как с малым сроком наблюдения (20–30 лет), так и с тем, что неоязычники остаются замкнутым и локальным сообществом, и процессы изменения маркированности имен в нем протекают иначе, чем в целом в социуме.

Сходства и различия трех рассмотренных ситуаций имянаречения

Характеристики	Имена		
	Чешские патриотические имена	Советские послереволюционные имена	Имена неоязычников
Первоначально мало-численное сообщество	+	+ ⁹	+
Последующий переход на весь социум	+	+	–
Имя как часть новой знаковой системы	+	+	+
Появление в процессе культурно-революционных, взрывных процессов	+	+	–
Аксиологическая маркированность	+	+	+
Принятие нового имени вместо старого / его употребление вместе со старым	+ / +	+ / –	± / ± ¹⁰

⁹ «... процесс имятворчества затронул относительно небольшой круг населения страны, увлеченность которого новыми идеями и преданность им оказалась особенно острой и действенной» [Душечкина 2005].

¹⁰ Неоязыческие имена используются «для проведения ритуалов и для коммуникации» [Седакова 2007: 167], т. е. закреплены за определенными коммуникативными сферами. Полного отказа представителей этих течений от личных имен не происходит. В чешских текстах зафиксированы параллельные употребления личных и неоязыческих имен (см. выше).

Окончание таблицы

Характеристики	Имена		
	Чешские патриотические имена	Советские послереволюционные имена	Имена неоязычников
Имянаречение как часть новых ритуалов	+	+	+
Антропонимические практики как часть других, новых языковых практик	+	+	+
Документальное закрепление нового имени ¹¹	–	+	–
Имена-неологизмы	+	+	+
Реанимирование старых имен	+	(+)	+
Наличие славянизирующих номинативных моделей	+	(+)	+
Дальнейшее развитие: утрата маркированности	+	+	X
Дальнейшее развитие: выход части имен из употребления	+	+	X

Не претендуя на исчерпывающее описание антропонимических процессов, происходивших в разных частях Славии в разное время и в разных культурных контекстах, мы постарались показать их (микро)типологическую соотносимость. Новые личные имена во всех рассмотренных случаях служили не просто маркерами новой идеологии или данью моде — как, например, «славянские» имена, распространившиеся в последние годы в России. Это были компоненты новых знаковых систем, претендовавших на то, чтобы заменить системы существующие (в чешском и словацком национальном возрождении и в постреволюционной России) или функционирующие параллельно им (в современном неоязычестве). Построение новой знаковой

¹¹ Здесь советское постреволюционное имянаречение, относившееся прежде всего к новорожденным, можно противопоставить практикам чешских патриотов и современных неоязычников, где речь скорее идет о псевдонимизации. В то же время отметим, что многие носители чешских «патриотических имен» известны исключительно под ними — например, *Božena Němcová* (урожд. *Barbora Novotná*, затем *Barbora Pinklová*, затем *Barbora Němcová*).

системы во всех случаях сопрягалось и с конструированием ее субъекта, носителя соответствующего кода. С типологической точки зрения оказывается не так важна идеологическая база этого конструирования: романтический ли это национализм первой половины XIX в., мессианский ли революционный универсализм 1920-х гг. или своеобразно понимаемая Традиция — в начале XXI в.

Ограничение внутриславянскими процессами дает интересную перспективу, демонстрируя не только типологическую близость ситуаций, но и формальную, словообразовательную общность конкретных номинативных моделей. Конструируемые новые антропонимы при всей разности причин обращения к ним основаны на общеславянских, прежде всего двухосновных, моделях, хранимых языковым и культурным сознанием. Узнаваемость модели и ее неугасающая продуктивность наделяют ее большим прагматическим потенциалом, возможностью быть использованной при создании новых знаковых систем.

Сокращения

поэт. поэтический

Источники

- Hurban J. M. Eudovít Štúr. Rozpomienky.* Bratislava : Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1959.
- Knapková M. Jak se bude jmenovat?* Vyd. 2. Praha : Academia, 1984.
- Rodnavira — Rodná víra — nejstarší české společenství slovanského pohanství. URL: www.rodnavira.cz (date of access: 01.05.2024).

Исследования

- Бондалетов В. Д.* Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983.
- Дианова Е. В.* Эволюция практики имяназвания в первые десятилетия советской власти // История повседневности. 2021. № 1 (17). С. 76–103. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_1_76
- Душечкина Е.* Мессианские тенденции в советской антропонимической практике 1920–1930-х годов // Toronto Slavic Quarterly. 2005. No. 12. URL: <https://sites.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml> (дата обращения: 01.05.2024).
- Живов В.* Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revoljuciya-gazmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva> (дата обращения: 01.05.2024).
- Мельников Г. П.* Чешская культура // История культур славянских народов : в 3 т. Т. 2 : От барокко к модерну / отв. ред. Г. П. Мельников. М. : ГАСК, 2005. С. 423–467.
- Поляков Д. К.* Революционная эпоха и языковой взрыв: русский язык в 1920-е и в 1990-е годы // Категория взрыва и текст славянской культуры / отв. ред. Н. В. Злыднева. М. : Совпадение, 2016. С. 127–136.

- Sedačková I. A. Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников // *Имя: Семантическая аура* / отв. ред. Т. М. Николаева. М. : Языки славянских культур, 2007. С. 166–188.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917–1926. М. : Работник просвещения, 1928.
- Cooper D. *Mystifications and Rituals Practices in the Czech National Awakening*. Seattle : Univ. of Washington, 2012.
- Čilaš Šimpraga A., Brgles B. Imenska osnova bog u hrvatskoj antroponimiji s osobitim osvrtnom na osobna imena // *Onomastica*. 2017. T. 61(1). S. 119–138. <http://doi.org/10.17651/ONOMAST.61.1.8>
- Macura V. Česká vlastenecká jména a jejich „znamenání“ // *Slavia*. 1980. Č. 3. S. 215–217.
- Macura V. Znamení zrodu a české sny / eds. K. Piorecká, M. Vojtková. Praha : Academia, 2015.
- Palkovič K. Staršie pokusy o poslovenčenie rodných mien // *Kultúra slova*. 1970. Č. 5. S. 136–141.
- Sršeň L. Čeští vlastenci na portrétech Jozefa Božetěcha Klemense (nově objevená díla) // *Sborník Národního muzea v Praze. Řada A — Historie*. 2004. Č. 2–4. S. 1–80.
- Stepień S. Imiona w radzieckiej rzeczywistości. Nowe życie miało znaleźć odzwierciedlenie nawet w nowych imionach // *Rocznik Przemyski. Historia*. 2022. Z. 4 (28). S. 173–198. <https://doi.org/10.4467/24497347RPH.22.009.16632>
- Šmilauer V. Úvodem // Kopečný F. *Průvodce našimi jmény*. 2 vyd. Praha : Academia, 1991. S. 9–35.

References

- Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaia onomastika* [Russian Onomastics]. Moscow: Prosveshchenie.
- Čilaš Šimpraga, A., & Brgles, B. (2017). Imenska osnova bog u hrvatskoj antroponimiji s osobitim osvrtnom na osobna imena. *Onomastica*, 61(1), 119–138. <http://doi.org/10.17651/ONOMAST.61.1.8>
- Dianova, E. V. (2021). Evoliutsiia praktiki imianarecheniia v pervye desiatiletiiia sovetsoi vlasti [Evolution of Naming Practices in the Early Decades of Soviet Power]. *Istoriia povsednevnosti*, 1(17), 76–103. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_1_76
- Dushechkina, E. (2005). Messianskie tendentsii v sovetsoi antroponimicheskoi praktike 1920–1930-kh godov [Messianic Trends in Soviet Anthroponymic Practices of the 1920s–1930s]. *Toronto Slavic Quarterly*, 12. Retrieved from <https://sites.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml>
- Macura, V. (1980). Česká vlastenecká jména a jejich „znamenání“. *Slavia*, 3, 215–217.
- Macura, V. (2015). *Znamení zrodu a české sny*. Prague: Academia.
- Melnikov, G. P. (2005). Cheshskaia kul'tura [Czech Culture]. In G. P. Melnikov (Ed.), *Istoriia kul'tur slavianskikh narodov* [History of the Cultures of Slavic Peoples] (Vol. 2, pp. 423–467). Moscow: GASK.
- Palkovič, K. (1970). Staršie pokusy o poslovenčenie rodných mien. *Kultúra slova*, 5, 136–141.
- Polyakov, D. K. (2016). Revoliutsionnaia epokha i iazykovoi vzryv: russkii iazyk v 1920-e i v 1990-e gody [Revolutionary Era and Linguistic Explosion: Russian Language in the 1920s and 1990s]. In N. V. Zlydneva (Ed.), *Kategoriia vzryva i tekst slavianskoi kul'tury* [The Category of Explosion and the Text of Slavic Culture] (pp. 127–136). Moscow: Sovpadenie.
- Sedakova, I. A. (2007). Novaia pragmatika arkhaiskikh modelei: imena neoiazychnikov [New Pragmatics of Archaic Models: Names of Neopagans]. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Imia: Semanticheskaiia aura* [Name: Semantic Aura] (pp. 166–188). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur.
- Selishchev, A. M. (1928). *Iazyk revoliutsionnoi epokhi: Iz nabludeniia nad russkim iazykom poslednikh let. 1917–1926* [Language of the Revolutionary Era: Observations on the Russian Language in Recent Years, 1917–1926]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.

- Šmilauer, V. (1991). Úvodem. In F. Kopečný, *Průvodce našimi jmény* (2nd ed., pp. 9–35). Prague: Academia.
- Sršeň, L. (2004). Čeští vlastenci na portrétech Jozefa Božetěcha Klemense (nově objevená díla). *Sborník Národního muzea v Praze. Řada A — Historie*, 2–4, 1–80.
- Stępień, S. (2022). Imiona w radzieckiej rzeczywistości. Nowe życie miało znaleźć odzwierciedlenie nawet w nowych imionach. *Rocznik Przemyski. Historia*, 4(28), 173–198. <https://doi.org/10.4467/24497347RPH.22.009.16632>
- Zhivov, V. (2005). Iazyk i revoliutsiia. Razmyshleniia nad staroi knigoi A. M. Selishcheva [Language and Revolution. Reflections on the Old Book by A. M. Selishchev]. *Otechestvennye zapiski*, 2. Retrieved from <https://strana-oz.ru/2005/2/yazyk-i-revoljuciya-razmyshleniya-nad-staroy-knigoy-a-m-selishcheva>